

© 2011 г.

*Л.А. БЕЛЯЕВ, Н.Я. МЕРПЕРТ.* От библейских древностей к христианским. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 392 с., ил.

Книга Н.Я. Мерперта и Л.А. Беляева «От библейских древностей к христианским» посвящена археологии эпохи возникновения иудаизма и христианства и выдержана в обзорном характере. Авторами была поставлена цель заполнить сложившийся в существующих общих курсах по библейской<sup>1</sup> археологии разрыв между археологическими периодами, соответствующими эпохам Ветхого и Нового Заветов.

В российской традиции археология обычно считалась одной из отраслей истории. В Европе, и в особенности в Северной Америке, сложился другой подход. Археология может рассматриваться как самостоятельная наука или, например, как подраздел антропологии.

Библейская археология возникла в XIX в. как подраздел теологии, которая, особенно в протестантских странах, изучалась соответственно на теологических факультетах университетов. Археология Палестины привлекала прежде всего верующих, которые, впрочем, в период становления библейской археологии как науки все еще составляли большинство. Раскопки часто производились религиозными институтами и людьми, для которых религия была профессией<sup>2</sup>. Разумеется, многие из них видели в Библии не исторический источник и объект критического анализа, а божественное откровение, каждое слово которого воспринималось как истина в последней инстанции. Соответственно библейская археология была призвана подтвердить истинность Священного Писания. Каждая археологическая находка приводилась в соответствие с библейским текстом. Особенно страдала от такого подхода археология ветхозаветного периода, для которой Библия долгое время оставалась единственным письменным источником. Нередки были такие датировки, как стена «периода царя Давида» или «постройка соломоновой эпохи». Впоследствии это привело к путанице между археологической периодизацией и исторической хронологией.

В 1980-е годы реакцией на подобный подход стало «минималистское течение»<sup>3</sup>, приверженцы которого считают любую историческую информацию Ветхого Завета недостоверной, если она не подтверждена данными археологии. Им противостоят «максималисты»-консерваторы, практически отказывающиеся от критического подхода к Библии как к источнику. Большинство современных ученых занимает умеренную позицию, придерживаясь золотой середины. Тем не менее максималистско-минималистской дискуссии уделяется непропорционально много внимания в современных исследованиях. Археология Палестины не может освободиться от зависимости от Библии.

Следует отметить, что, несмотря на поставленную задачу – осветить именно те археологические периоды, которые известны по библейским источникам, ветхо- и новозаветным, авторы рецензируемой книги избежали увлечения этой проблематикой<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Под Библией здесь и далее подразумевается совокупность Ветхого и Нового Заветов. Соответственно библейская археология – это археология Палестины от возникновения цивилизации вплоть до периода раннего средневековья.

<sup>2</sup> Как, например, русский церковный археолог архимандрит Антонин Капустин или первоисследователь Кумрана, отец Ролан де Во, сотрудник *École biblique et archéologique française de Jérusalem* (EBAF) – одного из крупнейших исследовательских и учебных заведений. EBAF основали и руководят им монахи-доминиканцы.

<sup>3</sup> Подробнее о дискуссии минималистов и максималистов см. Мазар 2005, 257–300; Нээман 2005, 227–256; Бунимович 2004, 265–286; Финкельштейн, Зильberman 2004, 287–312.

<sup>4</sup> В предисловии (с. 9–11) авторы говорят об отказе от «увязывания археологических данных со священными... текстами» как о поставленной ими методологической задаче.

По выражению самих авторов, это «в сущности, две книги под одной обложкой»<sup>5</sup>. Но, несмотря на существенные различия в структуре текста, первые три главы, посвященные археологии самой Палестины, построены по единой концепции: собственно археологическая часть предваряется историческим очерком.

Изложение ведется в соответствии с исторической периодизацией и начинается с VIII в. до н.э., т.е. с момента, когда в дополнение к Библии уже имеются внебиблейские письменные источники. Первая глава посвящена эпохе доминанции в регионе Ассирии, Вавилона и ахеменидского Ирана и соответственно делится на ассирийский, вавилонский и персидский периоды, что в археологической системе соответствует позднему железному веку.

Главы II и III освещают эллинистический и римский периоды. Глава IV описывает иудейские и христианские древности в основном за пределами Святой Земли, раздвигая таким образом традиционные географические рамки библейской археологии и используя важнейшие археологические материалы из раскопок за пределами Палестины. Такой подход особенно ценен, поскольку начиная с эпохи эллинизма весь Ближний Восток, несмотря на региональные вариации, представлял собой единое целое<sup>6</sup>. Особенно доминантна общность культуры, и поэтому традиционное для библейской археологии стремление не выходить за границы региона в корне порочно, тем более когда речь идет о памятниках духовной культуры.

Глава I охватывает период от VIII в. до н.э. до завоеваний Александра Великого, основным историческим источником для которого является Ветхий Завет. Она органически продолжает и дополняет книгу Н.Я. Мерперта «Очерки археологии библейских стран»<sup>7</sup>. В разделе об ассирийском периоде авторы подробно останавливаются на Финикии и Филистии, касаясь даже археологически сравнительно мало изученных Аммона, Моава и Эдома. Детально представлен длившийся лишь несколько десятилетий вавилонский период. В это время страна приходит в запустение вследствие имперской политики Нововавилонского царства, направленной на разграбление и опустошение провинций<sup>8</sup>.

Но главное внимание в главе I уделяется сравнительно мало изученному персидскому периоду. Эпоха, следовавшая за вавилонским пленением, была временем консолидации иудаизма как монотеистической религии, хотя этот процесс практически не нашел отражения в археологии<sup>9</sup>.

Интенсивное изучение памятников персидского периода в Палестине началось сравнительно недавно. Оно выявило картину восстановления и развития региона после вавилонского нашествия. Раздел 3 главы I описывает сложную этническую и языковую ситуацию, нашедшую отражение как в погребальных обрядах, технологиях, культовой архитектуре, пластических изображениях и других свидетельствах материальной культуры, так и в палеографических документах, обнаруженных при раскопках. С другой стороны, происходит становление единой имперской системы управления, использовавшей в качестве административного языка арамейский. Находки булл персидских чиновников наряду с монетами местной чеканки указывают на параллельное существование централизованной администрации и локальной автономии. Частичная автономия не предотвращала, тем не менее, восстаний на местах, о чем известно из письменных памятников, обнаруженных в пещерах Иерихона.

Главы II, III и IV охватывают эпоху от завоевания Ближнего Востока Александром Македонским (332 г. до н.э.) до распада Римской империи на Восточную и Западную (324 г. н.э.). Эти главы имеют более дробное деление, отвечающее дидактическим задачам книги. Наиболее важные определения, факты, явления, находки и источники описаны в отдельных рубриках-«окнах», что значительно облегчает понимание читателем сложного и насыщенного фактическим материалом текста. Подобные рубрики посвящены также основным вопросам проблематики.

Глава II, рассматривающая эпоху эллинизма, наряду с историческим обзором дает достаточно сжатое описание материальной культуры, что соответствует сравнительно небольшому количеству археологических памятников и их малой изученности. Специальные окна посвящены разнообразным

<sup>5</sup> С. 1 и прим. 1.

<sup>6</sup> Процесс складывания единой культурной общности на Древнем Востоке начался значительно раньше как следствие целенаправленной политики Ассирии, чему немало способствовали массовые депортации населения (с. 15).

<sup>7</sup> Мерперт 2000.

<sup>8</sup> Историки, занимающиеся Вавилонией этого периода, утверждают, что имперская политика не была направлена на разграбление провинций в пользу столицы. См., например: Judah and the Judeans 2003, 3–89.

<sup>9</sup> Единственным археологическим свидетельством становления монотеизма, возможно, является очень небольшое количество языческих артефактов, найденных в Иудее и Самарии персидского периода.

народностям, появившимся в этот период в Палестине, как малоизвестным итуреям, так и набатеям. Последние представляют собой интереснейший пример государства кочевых племен, сочетавших кочевой образ жизни с оседлостью. Они создали богатейшую структуру, осуществлявшую международную торговлю, а впоследствии построили великолепные города.

Римский период представлен значительно подробнее, чем другие, в главе III. Материальная культура Палестины этого периода очень хорошо изучена, а письменные источники наличествуют в изобилии. Кроме того, именно в это время, на фоне римского владычества и разрушения Второго храма, происходит окончательное оформление облика иудаизма и возникновение на его основе христианства. Автор показывает материальный мир той плавильной печи, из которой вышли эти религии и которой была пестрая по населению и эллинистическая по духу римская Иудея, постепенно превращавшаяся в провинцию Палестину. Большое внимание уделяется грандиозной архитектуре Иерусалима, страдавшего, подобно многим диктаторам, мегаломанией и оставившего после себя интереснейшие памятники. Широко освещена археология обоих иудейских восстаний, включая картину разрушения Второго храма.

Первые два раздела главы IV посвящены иудейским и христианским древностям, которые авторы определяют как «религиозные». Сюда они относят в основном погребальный обряд и архитектуру как первых синагог, так и раннехристианскую. Иконография освещена вскользь и в основном раннехристианская. Эти разделы дают подробный обзор, позволяющий сравнить материальную культуру иудаизма и христианства римского периода как в Палестине, так и в других частях империи. Подробно освещена проблематика «иудео-христианства» и ее отражение в материальной культуре времени возникновения новой религии. Особое внимание уделено полемике, развернувшейся в последние полтора десятилетия вокруг Кумрана и рукописей Мертвого моря. В середине 1990-х годов палеограф Н. Гольб<sup>10</sup> выдвинул гипотезу, что свитки Мертвого моря не имеют отношения к Кумрану. Раскопки прошлого десятилетия и археологи, исследовавшие этот памятник, подтвердили, что Кумран не был поселением религиозной общины. Большинство палеографов, однако, придерживается старой версии де Во, и дискуссия не прекращается по сей день. Но многолетняя полемика вокруг датировки ранних синагог, в особенности вопрос о существовании синагог в I в. н.э. и даже в I в. до н.э.<sup>11</sup>, не упомянуты.

Глава IV включает раздел «Археология и слово», посвященный папирологии и эпиграфике. Этот раздел содержит очень полный и детальный обзор письменных источников, современных эпохе раннего христианства, и сопоставление их с Новым Заветом.

В приложении к основному тексту книги имеются «Материалы к археологическому атласу» с большим количеством хорошо подобранных иллюстраций. Однако прямые ссылки на иллюстрации в тексте отсутствуют.

В целом рецензируемая книга по качеству изложения материала и своим дидактическим свойствам представляет несомненный прорыв в российской библиографии, посвященной библейской археологии, игнорировавшейся официальной советской наукой и теперь только постепенно восстанавливающей свое место в российской науке. Авторами представлены все важнейшие памятники рассматриваемых периодов, даже недавно открытые и неопубликованные, но известные только из кратких сообщений. По прочтении возникает желание увидеть написанный авторами труд по библейской археологии в виде расширенного общего издания в единообразной редакции, возможно, многотомного, охватывающего все периоды от древнейшей истории человечества до раннего средневековья.

## Литература

Бунимович Ш. 2004: Интерпретация культуры и библейский текст: библейская археология в эпоху постмодернизма // ВЕУ. 9, 265–286.

Мазар А. 2005: О взаимосвязи между археологическими исследованиями и историографией периода возникновения древнего Израиля // ВЕУ. 10, 257–300.

Мерперт Н.Я. 2000: Очерки археологии библейских стран. М.

Нецер Э. 2003: Синагога периода Второго храма в свете археологических и письменных источников // Ве-зот ле-Йехуда. Исследования по истории Израиля, посвященные Йехуде бен Порату / Й. бен Арье, Э. Райнер (ред.). Иерусалим, 193–219 (на иврите).

<sup>10</sup> Golb 1996.

<sup>11</sup> См., например: Netzer 2003, 202–235 = Нецер 2003, 202–235, а также Netzer, Kalman, Laureys 2000, 203–259.

Нэман Н. 2005: Исторический подход к книге Царей в свете царских надписей IX в. до н.э. // ВЕУ. 10, 227–256.

Финкельштейн И., Зильберман Н. 2004: Археология в начале третьего тысячелетия: в поиске взвешенной позиции // ВЕУ. 9, 287–312.

Golb N. 1996: Who Wrote the Dead Sea Scrolls? The Search for the Secret of Qumran. N.Y.

Judah and the Judeans 2003: Judah and the Judeans in the Neo-Babylonian Period. Pt 1. The Myth of the Empty Land Revisited / O. Lipschits, J. Blenkinsopp (eds.). Winona Lake.

Netzer E. 2003: The Synagogue of the Second Temple Period on the Basis of the Archaeological and Literary Evidence // Ve-Zot le-Yehudah. Studies in the History of Eretz Israel presented to Yehuda Ben Porat / Y. Ben Arie, E. Reiner (eds). Jerusalem, 193–219.

Netzer E., Kalman Y., Laureys R. 2000: A Synagogue from the Hasmonean Period Recently Exposed in the Western Plain of Jericho // IEJ. 49, 203–259.

Н.Н. Май,  
Свободный университет Берлина

© 2011 г.

Тайна золотой маски. Каталог выставки [Санкт-Петербург, 21 апреля – 3 сентября 2009 г.] / Науч. ред. А.М. Бутягин. СПб.: Изд-во Государственно-го Эрмитажа, 2009. 203 с., ил.

Прекрасно изданный каталог выставки в Государственном Эрмитаже, посвященной знаменитому погребению с золотой маской из Керчи, производит сильное впечатление. Открытие этих сокровищ наделало в России много шума задолго до того, как в 1892 г. о нем упомянул С. Рейнак в «Древностях Боспора Киммерийского»<sup>1</sup>. Уникальный погребальный комплекс, происходящий из некрополя античного Пантикапея на Глинище, где на протяжении XIX в. было обнаружено немало богатых захоронений, хранится в собрании петербургского музея. Поэтому нельзя не приветствовать это начинание, объединившее научные труды специалистов, преимущественно работающих в музее. В издании, включающем каталог фотографий, выполненных Ю.А. Молодковцем, а также шесть исследований, о содержании которых речь пойдет ниже, впервые представлены в полном объеме археологические находки, относящиеся к захоронению.

Во вступительной статье, осторожно озаглавленной «Вокруг маски» (с. 7–16), А.М. Бутягин представляет статьи, составившие книгу, а также намечает некоторые перспективы исследования. Ведь труд, научным редактором которого выступил Бутягин, представляет собой не просто каталог, а сборник статей, скорее напоминающий монографию. Разнообразие точек зрения на данный археологический комплекс – авторы не боятся высказывать различие во взглядах – оказывается вместе с тем и слабым местом издания, которое явным образом разрывается между «педагогической» задачей, необходимостью быть доступным для широкой публики и подчеркиванием реальной сложности предмета. Бутягин принимает вызов, идет на это противоречие, полагаясь на проницательность читателя, однако рискует повредить тем самым четкости редакционной стратегии книги.

Открытие знаменитого погребения с золотой маской произошло накануне проезда через Керчь царя Николая I. В 1837 г. местная археология скорее напоминала охоту за сокровищами, в которой соревновались Д.В. Карейша и А.Б. Ашик. Девятиметровый курган, расположенный на Глинище, принес удачу Ашику: именно он открыл там саркофаг и его сокровища. Если приезд царя и мог побудить Ашика «дополнить» сокровища могилы с золотой маской предметами, найденными в других погребальных комплексах, нет никаких доказательств того, что он приказал изготовить саму маску или что-либо еще. Неоднородный характер погребального инвентаря вкупе с неточностью рапорта Ашика позволяет Бутягину высказать гипотезу о том, что вместе оказались собраны вещи из нескольких могил и к предметам, сопровождавшим умершую женщину, были присоединены элементы мужского захоронения.

<sup>1</sup> Reinach 1892, 70.